

СИБИРСКИЕ

ОСНОВАН
В
1922 ГОДУ

ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей РСФСР
Новосибирской писательской организации

З Н О М Е Р Е

Ефим ПЕРМИТИН. За дрофами (Второе отъездное по- де). Рассказ	3
Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ. Обет. «У зависти память длинна...» «Белый сахар и черный сухарь...» То- полинный город. Стихи	28
Владимир САПОЖНИКОВ. Вперед, ветераны! Рассказ	33
Леонид АНДРЕЕВ. Ночная работа. Ива. Про запах. Стихи	70
Игорь ХАЛУПСКИЙ. «Думал я, что примелькается...» Воспоминание в жаркий день. «Мне кажется, что если б человеком...» «Еще поэта лик бескровный...» Стихи	72
М. МАЛИНОВСКИЙ. Старые вещи. Повесть	75
Анатолий ЧЕРНОУСОВ. Мои одежды. Заячий лог. Рассказы	110
Евгений МАРТЫНОВ. «Лошадь дремлет привычно...» Журавль. В деревню. «Я, как всегда, пришел не- кстати в гости...» На побывку. Стихи	115

t 971

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Евгений ВВСЕЕВ,
Александр ЛЕЙФЕР

Сибирские встречи

...Никакой писатель такого масштаба никогда не был поставлен в более благоприятные условия для наблюдения и психологического анализа над самыми разнообразными по своему характеру людьми, с которыми ему пришлось жить так долго одной жизнью. Можно сказать, что пребывание в «мертвом доме» сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога.

Но не легко достался ему этот способ развития своих природных дарований...

П. П. Семенов-Тянь-Шанский

«НА СВЕТЕ МНОГО БЛАГОРОДНЫХ ЛЮДЕЙ...»

Ночь на дворе, а в одном из окон дома офицера Иванова желтеет свет. Беснуется сибирский ветер — вост в трубах, скребет по стеклу сухим февральским снегом.

Хозяева улеглись. Колеблющиеся язычки свечей освещают сидящего за письменным столом человека. Вряд ли кто сможет сейчас правильно определить его возраст — классический возраст пророка — 33 года, страдания и страсти наложили на это лицо свою печать. Но зато глаза сидящего не выражают ничего, кроме мучительного счастья, его руки нежно, как живое существо, поглаживают лежащую на столе пачку чистой бумаги. Четыре года он, писатель, не имел столько бумаги сразу.

Человек берет перо.

Вначале — письма.

И первое — брату:

«Вот уже неделя, как я вышел из каторги».¹

Как бы ни было длинно письмо — разве вместится в него все, что должно вместиться? Разве смогут несколько сотен слов передать главное?

«Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года — не скажу тебе. Долго расска-

зывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надежд таких, о которых я и не думал. Но это все загадки...»¹

А сколько сказано в письме злого, уничтожающего об Омске — городе, который запомнится теперь до самой смерти. И это естественно. Разве можно испытывать нежные чувства к собственной тюрьме? Но тут же рядом ложатся совсем иные — теплые и благодарные — слова: «Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К. И. И-в был мне как брат родной. Он сделал для меня все, что мог. Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодари его. Я должен ему рублей 25 серебром. Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость, как о родном брате, и не один он! Брат, на свете очень много благородных людей».²

Кто же эти люди? «К. И. И-в» — Константин Иванович Иванов, тот самый офицер, который на первое время приютил в своем доме вышедшего из каторги писателя. Об этом человеке мы еще расскажем. А пока — все по порядку.

Прочитируем несколько стихотворных строк:

¹ Письмо Ф. М. Достоевского М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г. из Омска. — «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках». М., 1912, стр. 200.

² Письмо М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г. из Омска — «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников». М., 1912, стр. 204.
¹ Там же, стр. 204—205.

Дюмно я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже стари ходили несмело,
Товарили негромко с нем
Молодежь оно сильно пулило,
Поселеди иных с тех пор
И декабрьским геррором пахнуло
На людей, переживших террор...¹

Читатели наверняка узнали характерный некрасовский стиль. Великий русский поэт не преувеличивал, сравнивая «Петрашевского дело» с расправой над декабристами. И в том, и в другом случае виден один почерк — кровавый почерк самодержавия, пытавшегося каленым железом выжечь любое проявление свободомыслия.

Советский литературовед Леонид Гроссман, изучавший обстоятельства расправы 22 декабря 1849 года, пишет: «Придуманый Николаем I издательский план «недоворшенного» расстрела требовал сугубо сложного и точного выполнения. Не удивительно, что переписка высших чинов правительства о предстоящей экзекуции напочинает местами режиссерский экземпляр громоздкой театральной пьесы. В «весьма секретных документах», которыми обмениваются 20 и 21 декабря ближайшие сотрудники царя, предусмотрены все подробности обряда — размеры эшафота, мундиры казнимых, облачение священника, эскорт карет, темпы барабанного боя, маршрут из крепости на место расстрела, преломление шаг над головами преступников, облачение их в белые рубахи, функции палача, заковку в кандалы и отбытие с плаца в особых одеяниях ссылаемых»².

Фельдъегерские тройки везли ошельмованных петрашевцев в Тобольск, откуда им предстояло отбыть каждому в свое, определенное приговором, место ссылки. Их ждали. Но ждали не только полицейские чины и острожные надзиратели.

Вот письмо, отосланное из Ялуторовска через полмесяца после казни на Семеновском плацу. Декабрист Е. П. Оболенский пишет брату: «Везде — по пространству всей Сибири, начиная от Тобольска. — в Томске, Красноярске, в Иркутске и далее, за Байкалом. — он найдет наших, которые все, без исключения, будут ему помощниками и делом и словом...»³

В данном случае речь идет о родственнике Оболенского — петрашевце Кашкине. Но, конечно же, готовность помочь переходила родственные границы. Декабристы относились к петрашевцам как к младшим братьям по борьбе, видели в них своих политических преемников.

В Тобольске в это время жили декабристы Фонвизин, Анненков, Бобринцев-Пушкины, Муравьев, Свистунов, Семнов. Видимо, из соображений безопасности помощь петрашевцам оказывали не они сами. Досто-

евский вспоминает: «Ссылные старого времени (т. е. не они, а жены их) заботились о нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотверженнем!»⁴

И первое благоданное слово мы, сегодняшние читатели Достоевского, должны сказать в адрес Натальи Дмитриевны Фонвизиной — супруги декабриста Михаила Александровича Фонвизина. Стараясь облегчить судьбу Федора Михайловича и его товарища по несчастью поэта-петрашевца Сергея Дурова, она проявила массу энергии и чисто женской изобретательности. Лучше всего об этом расскажет письмо самой Натальи Дмитриевны, посланное брату мужа (написано в Тобольске, 18 мая 1850 года):

«Мы уже знали, что он и Достоевский осуждены на крепостные работы в Омской крепости... У меня мелькнула мысль, и я тут же сообщила ее ему — я предложила ему... выдать его за родственника, которого я помню мальчиком, и таким образом быть ему сколько-нибудь полезной. Можете вообразить, с какой радостью и благодарностью принято мое предложение... Теперь во всей Сибири, особенно в Тобольске и Омске, никто в нашем родстве с Дуровым не сомневается, Мишель, няня да еще одна особа, а именно Маша Францева, только в секрете, все прочие, даже из наших, принимают родство за чистые деньги. Я продолжала посещать племянника, и мне уже не препятствовали. — все офицеры изперерьв давали свидания не только с Дуровым, но и со всеми его товарищами. Жандармский капитан предложил даже Михаилу Александровичу за рекою, при отправлении Дурова и Достоевского, иметь с ними свидание, и мы ездили. Я жандармов просила беречь дорогой поезд. Мы в Омск писали и рекомендовали бедных друзей наших — как в родственнике нашем, так и в товарище его многие теперь в Омске принимают участие, доставляют даже по временам ему мои послания, и от него ко мне. Я по целым часам в бытность их здесь с ними беседовала...»⁵

Это была вторая услуга, оказанная Фонвизиной русской литературе. Первая, хоть и и невольная, не менее значительная. Ведь Наталья Дмитриевна — одна из прототипов Татьяны Лариной (Пушкин вначале так и хотел назвать героиню «Евгения Онегина» — Наташа). В последней строфе своего стихотворного романа (написана в 1830 году, когда Фонвизина была уже в Сибири) поэт, возможно, намекает именно на ее судьбу:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал,
Без них Онегин дорисован,
А та, с которой обрадован
Татьяны милой идеал...
О, много, много рок отнял!

Письме М. М. Достоевскому из Омск
22 февраля 1854 г. — «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях», М., 1912, стр. 202.
С. В. Житомарская, Указ. соч., стр. 621—622.

¹ В Жданов. Поэты кружка петрашевцев. — «Поэты петрашевцы», Л., 1957, стр. 15.

² Л. Гроссман. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского. — «Литературное наследство», тт. 22—24 М., 1935, стр. 683.

³ С. В. Житомарская. Встречи декабристов с петрашевцами. — «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, М., 1956, стр. 618.

А много лет спустя другой великий русский писатель был поражен душевной красотой этой женщины. Собирая материалы для романа «Декабристы», Лев Толстой познанился с ее «сейной перепиской Фонвизинных; по его словам, это было «предельное выражение духовной жизни замечательной русской женщины». Писатель хотел сделать ее прототином героини романа — Апыхтиной (девичья фамилия Натальи Дмитриевны — Апухтина). И хотя роман не был написан, само это намерение говорит о многом...¹

Почему именно Фонвизина проявила наибольшую активность по отношению к петрашевцам?

В Тобольской тюрьме она беседовала с самим Петрашевским, и он, услышав фамилию «Фонвизина», рассказал, что к их кружку был близок некий Дмитрий Фонвизин, — только последняя стадия чахотки избавила от ареста этого юношу. Потрясенная шла тогда домой Наталья Дмитриевна: ведь Петрашевский говорил о ее родном сыне. И хотя Фонвизина уже знала, что Дмитрия нет в живых, близость его к петрашевцам была, очевидно, для нее открытием.²

Не просто «несчастных» видела эта женщина в Достоевском и его товарищах, а И соратников сына по политической борьбе, продолжателей дела декабристов.

Фонвизина не была единственным из круга декабристов человеком, подавшим руку помощи Достоевскому и Дурову. В Тобольской пересыльной тюрьме их посещала и Муравьева. Немалую роль в дальнейшей судьбе будущего автора «Идиота» и «Братьев Карамазовых» сыграло семейство Анненковых — об этом будет сказано, когда речь пойдет об офицере Иванове (он был женат на дочери Анненковых — Ольге). Моральную (да и материальную) поддержку со стороны декабристов Достоевский и Дуров ощущали на протяжении всех лет изгнания. Были использованы все связи. Десятки писем, записок, визитов, малых и больших хитростей, — все было пушено в ход для того, чтобы машина царского правосудия причинила своими заржавелыми шестернями поменьше вреда двум омским узникам.

А сейчас вспомним имя, мелькнувшее в письме Фонвизиной, — Маша Фрашцева.

...В Тобольске жил в те годы губернский прокурор. Декабристы считали его своим, а по тем временам дружить с ними осмеливался не каждый. Дочь свою Машу прокурор воспитал честным человеком. Это она сопровождала Фонвизину за реку в день съезда Дурова и Достоевского из Тобольска в Омск. В старину был хороший обычай — прово-

жать уезжающих друзей до первой станции. Поэтому последнее свидание на скованной морозом дороге в семи верстах от города — это не только конспиративная уловка. Это еще и огромная моральная поддержка, акт, если хотите, символический: ведь, несмотря ни на что, обычай соблюден! Можно только представить себе радость двух закованных в кандалы молодых людей: они едут молча, задумавшись, внутренне подготавливая себя к неизвестному, к страшному, и вдруг снова перед ними знакомые, ставшие родными женские лица. Кстати, исследователи жизни и творчества Достоевского (а значит, и мы, читатели) должны быть благодарны дочери тобольского прокурора и за то, что она написала воспоминания об этой встрече; они напечатаны в 1888 году в «Историческом вестнике».

В московском музее Ф. М. Достоевского хранится старое Евангелие. О нем есть несколько строк в «Записках из Мертвого дома»:

«...Эту книгу с заклеенными в ней деньгами подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата»¹.

Писатель до конца своих дней хранил дорогой подарок — сберег его и в остроге, и в семипалатинской солдатчине.

Во время этого свидания Мария Дмитриевна Францева вручила сопровождавшему петрашевцев жандарму заранее приготовленное письмо. Оно было адресовано ее хорошему омскому знакомому — инспектору классов Сибирского кадетского корпуса Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину. Францева просила его использовать свои многочисленные знакомства и помочь новым омским узникам всем, чем только можно.

Авторы статьи разыскали в Омском областном госархиве некоторые данные, касающиеся этого человека. Но найдено мало. Сами посудите, что можно узнать из документа с угнетающе-скудным названием «Кондуктный список»?

В 1851 году — подполковник. В молодости, будучи еще подпоручиком, служил на Кавказе — участвовал в экспедиции 1834 года в Аварское ханство. Награжден разными орденами. «Отлично усерден и прилежно деятелен»². Известно еще, что после Омска Ждан-Пушкин пошел «на повышение» — стал директором 1-го Московского кадетского корпуса³.

Подробно об этом человеке сказано в воспоминаниях Г. Н. Потанина, учившегося в те годы в Сибирском кадетском корпусе:

«Жан-Пушкин был разносторонне обра-

¹ См. об этом — А. Гессен. «Во глубине сибирских руд... (Декабристы на каторге и ссылке)», М., 1905, стр. 300—304. В другом источнике говорится, что к делу петрашевцев привлекался племянник М. А. Фонвизина (см. «Поэты петрашевцы», стр. 366).

¹ Ф. М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома». Собрание сочинений. т. 3. М., 1956, стр. 47. В дальнейшем — ссылки на «Записки...» по этому изданию.
² ГАОР, Сибирский кадетский корпус. Ф. № 19, оп. 1, к. 3, л. 18—19.
³ Краткий исторический очерк первого Сибирского кадетского корпуса (1813—1913). М., 1915, стр. 58.

зованный человек; он знал французский, немецкий и английский языки. был отлично знаком с историей современной литературы, особенно английской, и с историей вообще. Случалось, что иной предмет останется без преподавателя — Ждан-Пушкин брал преподавание на себя. Так он по временам читал нам алгебру, всеобщую историю и артиллерию, и каждый предмет он читал лучше учителя. Но главным образом, его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его питомцев: кадеты старались подражать ему»¹.

В другом месте Потанин говорит о Ждан-Пушкине: «Его намерением было сделать из нас рыцарей, способных бесстрашно принять царя»².

Видимо, недаром, выйдя из каторги, Достоевский писал этому человеку: «Когда-то Вы обратили внимание на жалкую судьбу двух несчастных — меня и Дурова, и приняли нас в Вашем доме. Я всегда слышал о Вас то, что научило меня искренне уважать Вас; доброты же Ваша к нам научила меня и любить Вас...»³.

В кадетском корпусе учились братья М. Д. Францевой. Ждан-Пушкин переписывался с ней по вопросам, касающимся воспитания юношей. И впережку с педагогическими рассуждениями письма содержали важные сведения о положении узников.

Есть предположение, что комендант Омской крепости де Граве благосклонно относился к петрашевцам не без видения Ждан-Пушкина.⁴ Иван Викентьевич переговаривал и со старшим доктором военного госпиталя Троицким, который немало помогал заключенным. Уже после освобождения Федора Михайловича, когда он служил в Семипалатинске в линейном полку, Ждан-Пушкин помог устроить в кадетский корпус Пашу Исаева — пасынка только что женившегося Достоевского.

После выхода из острога Федор Михайлович переписывался со Ждан-Пушкиным. Письма эти сохранились и опубликованы.

Ждан-Пушкин действовал не один. В течение всех четырех лет каторги вокруг двух, внешне ничем не выделяющихся из среды арестантов молодых людей, — Дурова и Достоевского — велась тайная и сложная работа. Многие пытались хоть чем-то облегчить их пребывание в остроге. И среди сибиряков, на свой страх и риск помогавших петрашевцам, был человек, одетый в рясу священника.

В краеведческой литературе имя Александра Сулоцкого иногда встречается. Но обычно авторы обходят вопрос о его профессии (рядом с фамилией, как правило, ука-

зывается — преподаватель кадетского корпуса). А сам факт этот довольно интересен и даже знаменателен. Человек, призванный проповедовать, что всякая власть идет от всевышнего, что император — помазанник божий на земле, — этот человек защищает государственных политических преступников, сосланных парем за (цитируем приговор) «принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства, посредством домашней литографии»¹.

Послужной список, обнаруженный нами в фондах Омского областного госархива, дает некоторые биографические данные о Сулоцком. Родился в 1814 году. Окончил Петербургскую духовную академию, после чего в 1838 году был определен в Тобольск. В Омске — с 1846 года, а в кадетском корпусе стал преподавать начиная с 1848 года².

А вот уже упоминавшийся том «Литературного наследства», озаглавленный «Декабристы-литераторы». Здесь имя Сулоцкого упоминается рядом с именами участников декабрьского восстания. Читаем сообщение С. В. Житомирской «Встречи декабристов с петрашевцами». Оказывается, именно Сулоцкий стал тем человеком, который осуществлял связь между тобольскими декабристами и сосланными в Омск петрашевцами. С декабристами, в частности с семьей Фонвизинных, он был в дружеских отношениях, которые возникли еще в Тобольске и не прерывались после его отъезда в Омск. Об этом свидетельствуют письма Сулоцкого, обнаруженные Житомирской в фонде декабриста Фонвизина (рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). События, описываемые в них, относятся к самому тяжелому периоду каторги писателя — ее началу.

Сулоцкий делится своими планами помощи арестантам «мечтателям», как он их называет. Учитываются самые малейшие возможности. Например, такая. Сулоцкий через своего знакомого — омского протопопа — хочет повлиять на плац-майора Кривцова, который «у протопопа каждогодно выдвигает чай, не по одному ведру сивухи»³. (Между прочим, в «Записках...» про Кривцова сказано, что он «на протопоповской дочери жениться хотел»)⁴.

Далее Сулоцкий пишет: «Добрый Иван Викентьевич хочет, наконец, обратиться прямо к плац-майору и просить его, чтобы он с

¹ Г. П. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове. — «Чокан Валиханов в воспоминаниях современников». Алма-Ата, 1964, стр. 32.
² Там же. Под № 57.
³ Письмо Ждан-Пушкину от 17 мая 1858 г. из Семипалатинска. — Ф. М. Достоевский. Письма, т. 4. М., 1959, стр. 260.
⁴ А. Ф. Палащенко. По местам Ф. М. Достоевского в Омске. Омск, 1965, стр. 31.

¹ Л. П. Гроссман. Материалы к биографии Ф. М. Достоевского (даты и документы). — Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 10. М., 1950, стр. 56.
² ГАОО. Сибирский кадетский корпус, ф. 19, оп. 1, д. В. 1018, св. 46, л. 1—2.
³ С. Житомирская. Указ. соч., стр. 624.
⁴ Ф. М. Достоевский. «Записки...», т. 3, стр. 631.